

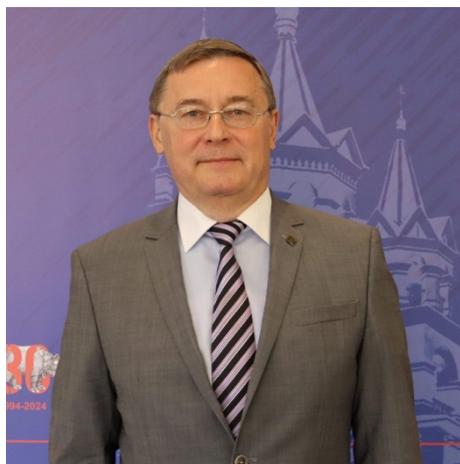
«Без галстука» № 80 с Игорем Вишневецким

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает серию интервью в формате «Без галстука». Сегодня мы побеседовали с Игорем Станиславовичем **Вишневецким** – Чрезвычайным и Полномочным Посланником 2 класса (в отставке), старшим советником Постоянного представительства России при международных организациях в Вене (2007-2012 гг.), начальником отдела Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России (2012-2016 гг.), заместителем Постоянного представителя России при ОЗХО в Гааге (2016-2021 гг.), заместителем руководителя российской делегации на 10-й Обзорной конференции ДНЯО в Нью-Йорке (2022 г.), членом Экспертного совета ПИР-Центра.

Он поделился воспоминаниями о юности и профессиональном пути, рассказав о детстве в Волгограде, учебе в МГИМО и работе в МИД от Вашингтона и Вены до Гааги и Нью-Йорка, а также дал советы молодым специалистам-разоруженцам.

Интервью провёл Артём Говалло.

«Если кто вступил на тернистый разоруженческий путь, то надо рассчитывать на долгую дорогу в дюнах»

Воспоминания о детстве и юности

Я родился в Горьковской области, но с самого раннего детства и всю свою юность провел в Волгограде. Это мой родной город, с которым меня до сих пор многое связывает. Волгоград не такой уж старый, но его история, поистине, богата многими событиями.

Он трижды менял свое название – Царицын, Сталинград, Волгоград, но в памяти у всех он остается, прежде всего, местом Великой Сталинградской битвы, положившей начало коренному перелому в Великой Отечественной войне. Кстати, одно из первоначальных названий города, Царицын, связано никак не со словом «царица» или «царь», а с татарским названием местности – «сары чин», что значит «желтый песок», т.к. Волгоградская область находится в зоне степей, полупустынь.

В этом году наша страна широко отпраздновала 80-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. Очень знаменательная дата, важный повод вспомнить, что значит для всего нашего народа те великие и одновременно трагические события. Это нужно в первую очередь новым поколениям россиян, чтобы они не забывали, какой ценой далась нам победа и что она значила для нашей страны, каким образом она повлияла на весь ход мировой истории. Я горжусь тем, что вырос на Волгоградской и Сталинградской земле.

Мальчишки моего поколения многое знали о прошедшей войне не только по книжкам и кинофильмам. С напоминанием о ней они сталкивались и в повседневной жизни, поскольку общались с людьми, пережившими ту эпоху, воевавшими на фронтах, в том числе в Сталинграде. Мой дед являлся участником той войны. Моя двоюродная бабушка в возрасте 16 лет находилась во время Сталинградской битвы в городе. Она была свидетельницей того, как на машине везли пленного фельдмаршала Паулюса. Рассказывала воистину удивительные и порой страшные истории о том, что ей пришлось пережить. Именно после общения с ней я начал отчетливо понимать, что война – это не только подвиги и героизм, не только великие сражения, но и совершенно ужасные вещи, которые с трудом подаются представлению.

Может быть, когда-нибудь я соберусь с силами и мыслями и напишу об этих бабушкиных рассказах. Словом, я родом из мест, где патриотизму нас особенно и не учили в детстве, но где любовь к Родине, к родному краю, к славной истории волжских просторов мы впитывали, что называется, с молоком матери.

Я очень много знаю о своем родном городе и о его военном прошлом. В частности, еще в школе не раз участвовал в викторинах по истории Сталинградской битвы. Однажды даже победил в одной из них, рассказывая о «доме Павлова». До сих пор помню об этом доме практически все. О том, например, как его первым восстанавливала в разрушенном городе женская бригада Черкасовой. О неоправданно забытом командире многонационального гарнизона, который более 40 дней защищал дом солдатской славы. Действительно, сержант Павлов – герой, который первым с группой разведчиков попал в этот дом и выбил оттуда немцев. Но затем, обороной здания в течение всего периода Сталинградской битвы руководил офицер, лейтенант Афанасьев. Он, безусловно, тоже был достоин стать героем Советского Союза, но не стал им.

С такими историями я вырос. Мне есть чем гордиться и что рассказать другим о Волгограде, Сталинграде и Царицыне.

Выбор профессионального пути: долгая дорога к дипломатии

Путь к моему поступлению в МГИМО был, можно сказать, тернистым. После окончания школы я поступал в Волгоградский институт инженеров народного хозяйства.

Выбор ВУЗов в городе в то время был очень ограничен: политехнический, сельскохозяйственный, педагогический и медицинский. Однако, будучи абсолютным гуманитарием по складу ума, я подал документы в инженерный ВУЗ. К счастью, не прошел туда по конкурсу. Затем, по настоянию отца, получил рабочую специальность в техническом училище и вскоре был призван на службу в Советскую армию на два года. Проходил ее в Ленинградском военном округе, авиационной части, где являлся механиком по авиационному вооружению. Подвешивал на фронтовые истребители-бомбардировщики МиГ-21, бомбы, ракеты, заряжал пушки и пулеметы. Командиром у нас был полковник, который воевал в свое время в Сирии и имел за это сирийские награды.

Служба в Советской армии. У знамени части. 1979. (фото из личного архива)

Судьба, таким образом, вела меня прямой дорогой. Прежде чем стать разоруженцем, я многое узнал и стал неплохо разбираться в оружии. Вот и не верь после этого в провидение.

Подать документы в МГИМО меня вдохновила моя мама. Я, конечно, сам подумывал об этом, но учеба в столь престижном ВУЗе казалась мне чем-то недостижимым. Именно мама свела меня с одним нашим дальним родственником, который в свое время закончил МГИМО, но стал не дипломатом, а известным журналистом-международником. После бесед с ним я окончательно решил попытаться стать дипломатом. Правда, это не удалось с первого раза. Я поступал в институт сразу после демобилизации из армии. Языковая подготовка была слабая, поэтому экзамен по языку я провалил. После этого проработал год на заводе в Волгограде. Вновь вступительные экзамены, и вот я уже студент факультета международных отношений, где был определен в группу сербохорватского языка. Следовательно, мой путь лежал в Югославию, или, как она называлась в то время – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (далее – СФРЮ).

Я очень благодарен моим преподавателям сербохорватского языка, М.В. Сергеевой и Р.С. Школьниковой, о которых у меня сохранились самые теплые воспоминания. Они так «натаскали» меня по языку, что, когда я уже работал в Югославии, не все понимали, что я русский. Например, в Хорватии, не зная, что я дипломат, порой думали, что я словенец, потому что говорил хорошо, но с акцентом жителей Словении.

Сербохорватский язык в те времена был языком межнационального общения. На нем говорили представители всех республик Югославии. Практику проходил в посольстве в Белграде, работал в библиотеке Белградского университета, где собирал материал для дипломной работы о межнациональных отношениях в СФРЮ.

После окончания МГИМО я был командирован в Генеральное консульство СССР в Загребе, где прослужил пять лет. До сих пор люблю этот регион и, теперь уже не одну страну, а страны, которые там образовались. Неоднократно бывал в тех местах после

окончания работы в Югославии, отдыхал на адриатическом побережье и до сих пор считаю его одними из красивейших на Земле.

Возвращение из Югославии. Работа в Департаменте по разоружению и контролю над вооружениями и в посольстве России в США

После завершения командировки в СФРЮ я короткое время проработал в архиве внешней политики России, поменявшись местами со сменщиком, уехавшим оттуда в Загреб. До сих пор мало кто знает, что А. С. Пушкин был также работником архива МИД Российской Империи. Там мне удалось посмотреть некоторые документы, которые являются уникальными, в частности, о белой эмиграции в 20-е годы прошлого века.

Судьба свела меня с А.И. Антоновым, ставшим в последствии заместителем Министра обороны, заместителем Министра иностранных дел, послом России в США. Фактически с его легкой руки я и перешел в Департамент по разоружению и контролю над вооружениями (далее – ДРК), ныне – Департамент по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями (далее – ДНКВ). Таким образом, Анатолий Иванович стал, по сути, моим крестным отцом на разоруженческом поприще, за что я ему до сих пор очень благодарен.

Проработав в ДРК несколько лет, меня направили на работу в Вашингтон. Это было интересное время, вторая половина 90-х годов, отношения с США тогда были на подъеме.

Понятно, что американцы не считали нас себе равными. После распада СССР, Россия тогда только-только вставала с колен, выходила из кризиса. И хотя американцы вели себя по отношению к России покровительственно и снисходительно, но, в то же время и с опаской, пытались разговаривать с нами уважительно, хорошо понимая, что имеют дело с единственной в мире ядерной державой, способной уничтожить США.

Американцы стремились вовлечь Россию, насколько это возможно, в орбиту своей политики. В частности, учили и помогали нам в становлении российской системы экспортного контроля, чтобы не допустить утечки из нашей страны чувствительных технологий в развивающихся, на тот момент в России, рыночных условиях.

Будучи в Вашингтоне, я работал в военно-политической группе посольства. Она представляла собой мини-департамент по разоружению. Наша небольшая разоруженческая команда занималась самым широким спектром вопросов повестки дня, как двусторонних, так и многосторонних отношений. Было множество контактов, консультаций, работы, связанной с сопровождением российских делегаций. Запомнился этот период достаточно высокой степенью взаимного доверия с американцами в диалоге по разоруженческой проблематике.

К примеру, мы ходили на встречи в Государственный департамент США по заказанному пропуску даже без сопровождения. Сами шли через пост охраны в назначенный кабинет. Такое сейчас даже представить себе невозможно. Были, правда, и сложные моменты. Во время моего пребывания в Вашингтоне прошла массовая высылка российских дипломатов из США по обвинению в шпионаже. Тогда наше посольство сильно опустело. Словом, работа в Вашингтоне дала мне очень многое для дальнейшей карьеры.

Я уверен, что служба в посольстве России в США до сих пор является важным трамплином для многих российских дипломатов. В начале 2002 г. я вернулся из Вашингтона в свой родной департамент, называвшийся в то время уже ДВБР – Департамент по вопросам безопасности и разоружения.

Российская делегация в Минпромторге США. Вашингтон. 1998. (фото из личного архива)

ДНКВ – кузница разоруженцев

В ДНКВ в общей сложности, за исключением перерывов на длительные заграничные командировки, я проработал с 1992 по 2023 гг. Мой приход в Департамент связан с интересным эпизодом. Как вновь прибывшего, меня назначили дежурным вечером под Новый год. Я сидел рядом с кабинетом директора. 31 декабря, все готовились к празднику. Думал, что отдежурю спокойно до восьми часов, и тоже уйду отмечать праздник. Но, к моему удивлению, вижу, что мои коллеги бегают с бумагами, то и дело заходят и выходят из кабинета директора, проводят совещания.

Уже восемь часов, полдевятого, девять, но рабочая суета продолжается. Я ничего не понимаю. Выходит директор и отпускает меня домой. Начинаю выяснять с чем связана такая бурная деятельность, несмотря на приближение Нового года. Оказалось, что готовится подписание договора СНВ-II, которое должно было состояться в самом начале января. Согласование всех деталей шло в эти последние часы. Таким образом, я косвенно оказался причастным к столь важному событию.

И если говорить о родном разоруженческом департаменте, который менял свое название не раз, то он остается, на мой взгляд, ведущим МИДовским функциональным департаментом, где оттачивается и реализуется переговорная разоруженческая практика, где куются кадры специалистов-разоруженцев с уникальными знаниями, где работают настоящие профессионалы в делах контроля над вооружением, имеющих огромное значение для международной безопасности. Накопленный здесь опыт я стараюсь передавать сейчас студентам, магистрантам МГИМО, где веду учебные курсы.

Вена и Гаага – два полюса на карте разоружения

Помимо Вашингтона, у меня была работа еще в двух знаковых для всех разоруженцев точках – в постпредстве России при международных организациях в Вене и постпредстве России при Организации по запрещению химического оружия (далее – ОЗХО) в Гааге. И там, и там я провел почти по пять лет. Это значительный пласт моей жизни.

Разница в работе постпредств, конечно же, была. В Вене я занимался ядерной проблематикой, в частности вопросами ДВЗЯИ, Группы ядерных поставщиков, комитета Цангера, тематикой Вассенаарских договоренностей по экспортному контролю за обычными вооружениями, товарами и технологиями двойного назначения. Исторический период был относительно спокойным, диалог по многим вопросам в разных форматах велся заинтересованный, без излишних политических эмоций. Мы занимались делом, постепенно продвигаясь по вопросам повестки дня режимов и соглашений.

С президентом Австрии Х.Фишером и его супругой. 2011. (фото из личного архива)

В Гааге я оказался совсем в другое время. В 2016 году, когда я туда прибыл, резко обострилась обстановка вокруг Сирии. Западный лагерь делал все возможное, чтобы убрать с политической арены неугодного ему президента Башара Асада. Главным аргументом в пользу его ухода были обвинения в якобы массовом применении химического оружия против гражданского населения на территориях, подконтрольных оппозиции. Наверное, у многих в памяти сохранилось то, что говорилось и писалось в тот относительно недавний период по сирийскому вопросу.

Мы же, дипломаты, работавшие тогда в Гааге, в полной мере испытали на себе неумное желание коллективного Запада уничтожить Сирию, изолировать Россию в ОЗХО, как главного союзника и защитника Дамаска.

Наше взаимодействие с сирийцами, интенсивная дипломатическая работа по широкому фронту, тесное сотрудничество с партнерами и странами-попутчиками не дали тогда западникам достичь своих целей. Сейчас, оглядываясь назад, можно сказать, что это было время активной дипломатии. Порой невидимой, закулисной, но, главное, действенной.

С послом России в Нидерландах, Постпредом России при ОЗХО А.В. Шульгиным и группой сирийских дипломатов. 2021. (фото из личного архива)

На приеме в Посольстве России в Нидерландах. 2021. (фото из личного архива)

Помню, что наши таможенники и пограничники, когда я прилетал периодически в Россию из Нидерландов, и, видя в моем паспорте, что я работаю в постпредстве при ОЗХО, уважительно говорили, что наслышаны, как мы жестко и бескомпромиссно

отстаиваем российские интересы. Бурные годы работы в Гааге я, конечно, запомнил на всю жизнь, как, впрочем, и прекрасные годы пребывания в Вене.

На дипломатическом приеме в Гааге. 2017. (фото из личного архива)

10-я Обзорная конференция ДНЯО: беспрецедентное давление и поиски компромисса

На заключительном этапе своей дипломатической карьеры я являлся заместителем директора ДНКВ, курировал ядерные вопросы. В этой связи меня назначили заместителем руководителя российской делегации на 10-й Обзорной конференции ДНЯО в 2022 г.

Наша делегация приехала на это юбилейное мероприятие в Нью-Йорк с твердым намерением внести весомый вклад в дискуссию и продвижение общих позиций мирового сообщества по всем трем кластерам ДНЯО – ядерное разрушение, нераспространение и развитие мирной ядерной энергетики. Однако у западной коалиции были свои планы в отношении данной конференции. Поскольку она проходила в условиях начавшейся СВО, западный лагерь вознамерился использовать этот международный форум для нападков на Россию и для защиты Украины.

Делалось это вне всякой повестки ДНЯО, по поводу и без повода. Многие происходило как в известной притче о римском сенаторе [прим. ред. – речь идет о Марке Порции Катоне Старшем], который регулярно вскакивал на заседаниях сената и кричал «Карфаген должен быть разрушен!». В Нью-Йорке происходило примерно то же самое.

Были и откровенные провокации. Доходило до того, что члены украинской делегации садились позади российской делегации, надевая майки с антироссийскими лозунгами. А наши замечания председателствующему и требования, чтобы он прекратил эту вакханалию, никак не воспринимались. В общем, атмосфера была непростой и порой, прямо скажем, не из приятных.

Приведу еще один пример того, в каких условиях проходило это мероприятие. В первый день конференции я выступил с общим заявлением от имени российской делегации по вопросам повестки дня, изложил российскую позицию. Далее пошли выступления других делегаций в рамках общих прений. Вдруг, в разгар дискуссии, по телефону с нами связываются наши коллеги из МИДа, а затем из Минобороны России и сообщают, что Вооруженные силы Украины начали массированный артиллерийский обстрел Запорожской АЭС и прилегающей к станции территории.

ЗАЭС в это время уже находилась под российским контролем, но буквально в нескольких километрах от нее располагались части ВСУ. Они затеяли вооруженную провокацию. Ранее там летали украинские беспилотники, но жесткого артиллерийского обстрела никогда не было. Мы за короткое время постарались прояснить ситуацию, проверить достоверность информации. Когда все подтвердилось, стали требовать срочного выступления на конференции, чтобы донести до участников глубокую тревогу за происходящее вокруг ЗАЭС. И что же в ответ? Руководство конференции нам отказало, сказав, что дадут слово только после того, как все делегации из списка завершат свои выступления.

Все попытки пробиться к микрофону, объяснить чрезвычайность происходящего, безотлагательность обсуждения украинских обстрелов ЗАЭС уперлась в глухую бюрократическую стену противодействия. Это было дико, абсурдно и просто не укладывалось в голове. Высокий форум на ООНовской площадке, призванный, в том числе, обсуждать тему международной ядерной безопасности, отказывается срочно говорить об этом в тот момент, когда безопасность ядерного объекта из-за безрассудных действий украинской стороны оказалась под угрозой, когда в центре Европы ведется артиллерийская атака на крупнейшую в Европе атомную электростанцию, и тем самым создается реальная опасность повторения Чернобыля. После того эпизода в самом начале Обзорной конференции мы хорошо осознали, что «что-то не так в Датском Королевстве», и вряд ли этот форум пройдет без политического перегрева. Собственно, так и получилось.

Несмотря на настрой на позитивный компромиссный результат, нам в течение всего форума пытались навязать в проекте итогового документа конференции формулировки по Украине, с которыми мы никак не могли согласиться. Из-за этого российской делегации пришлось заблокировать одобрение документа консенсусом в последний день работы конференции. Западная пропаганда подала это так, будто Россия сорвала принятие документа, тем самым не дав завершиться конференции успехом.

С одной стороны, это был печальный финал, но с другой – такой поворот стал демонстрацией нашей решимости твердо отстаивать базовые принципы ДНЯО, национальные интересы и не позволять никому спекулировать темой ядерной безопасности в узкокорыстных политических целях.

Российская делегация на 10-й Обзорной конференции ДНЯО. 2022. (фото из личного архива)

На 10-й Обзорной конференции ДНЯО. 2022. (фото из личного архива)

Жертвы ради профессии: баланс между работой и личной жизнью

Дипломатическая жизнь не всегда бывает простой, красивой, как в кино, особенно тогда, когда ты находишься в длительных заграничных командировках. Они, порой, надолго отрывают тебя от родных и близких, от друзей, остающихся на Родине. Конечно, сейчас в эпоху интернета и дешевой связи все стало намного проще. Можно помногу разговаривать по видеосвязи с родственниками, находящимися за тысячи километров от

тебя. Еще лет 20 тому назад все было совсем иначе. В ходе моих первых длительных командировок за рубеж общение по телефону было спорадическим и очень коротким.

Ситуация отдаленности от Родины, конечно, имеет место и сейчас. Никакое виртуальное общение не может заменить разговор с близкими людьми, находящимися рядом с тобой. Но таковы издержки профессии.

Были моменты, когда мы с семьей подолгу находились далеко друг от друга. Случилось это, например, когда я работал в Гааге. Мои сыновья выросли, им нужно было заканчивать школу в Москве, сдавать ЕГЭ, поступать в ВУЗы. Супруга, естественно, большую часть времени проводила с ними. Хотя она с детьми периодически приезжала в гости, но в основном мне приходилось жить в Гааге одному. И такой пример не исключение. Для некоторых дипломатов подобная ситуация становится нормой.

На Венском балу с супругой во дворце Хофбург. 2010. (фото из личного архива)

Загранкомандировки еще и определенный вызов в плане поддержания простых человеческих отношений. С некоторыми из коллег ты сходишься во время командировки очень близко, но потом судьба разбрасывает вас во времени и в пространстве, что, конечно, тоже является проблемной частью дипломатической жизни.

Спокойствие и трезвый взгляд на вещи – залог успеха

Хладнокровие на дипслужбе надо сохранять в любых условиях и всегда. Для дипломата это просто «must have». Ты обязан быть хладнокровным, несмотря ни на что.

В последнее время мы видим ситуации, когда, к примеру, наши послы участвуют в торжественных мероприятиях в недружественных странах, возлагают цветы к памятникам, а им кричат всякие гадости, пытаются что-то бросить в них, вывести из себя. Ни один мускул не дрожит на их лице. Вот это и есть настоящая дипломатическая выдержка. Я считаю, что она должна быть у всех дипломатов. Тому, кто не может себя

контролировать, наверное, не место в нашей профессии, поскольку раздраженный дипломат показывает свою слабость, неуверенность в своей правоте и с ним вряд ли будут по серьезному считаться.

Нужно всегда сохранять хладнокровие, самообладание, уметь достойно выходить из сложных ситуаций и в жизни, и в ходе непростых дипломатических переговоров.

Личные увлечения и впечатления от путешествий

В свое время я много читал, увлекался исторической литературой. Сейчас на чтение трачу гораздо меньше времени, хотя и очень хотелось бы кое-что прочитать и перечитать.

Иногда музицирую на гитаре. Еще в школе я научился играть на баяне, но, правда, к этому музыкальному инструменту в последние годы вообще не притрагивался.

Кроме того, очень люблю путешествовать, ходить по музеям и выставкам. Это не только интересно и познавательно, но и здорово обогащает полезной информацией. Стараюсь заниматься этими вещами и у нас в стране, и за рубежом. Будучи в разных странах, в свободное от работы время, я иногда посещал редкие места, где узнавал необычные факты об этих государствах, что помогало мне поддерживать неформальные беседы с иностранными коллегами. Они искренне удивлялись тому, что я знаком с тем, о чем неизвестно большинству иностранцев. Местные жители всегда уважают тех, кто интересуется их страной, историей и культурой. Это позволяет налаживать близкие доверительные контакты.

Во время путешествия по Тиролю, Австрия. 2009. (фото из личного архива)

В одном из своих путешествий по Австрии, я посетил место захоронения эрцгерцога Франца Фердинанда – наследника австро-венгерского престола, убитого террористом Гаврилой Принципом из организации «Млада Босна» в Сараево. Сараевский выстрел, как известно, стал прологом к началу Первой мировой войны.

В будний день, который для нас был выходным, мы с женой посетили один из австрийских замков. Захотелось посмотреть на захоронение Фердинанда и его супруги, находящееся там же. Сотрудница музея рассказала нам как пройти к семейному склепу и вдруг дала ключ от гробницы. Мы весьма удивились и без сопровождения посетили это знаковое место. Было очень необычно. Сложно было представить, что такое самостоятельное посещение вообще возможно.

Знакомство с культурным наследием стран, в которых я работал, было всегда для меня увлекательным делом. Считаю, что каждый из тех, кто работает за рубежом, тем более, в течение длительного времени, должен проявлять живой интерес к истории тех мест, где он волею судьбы оказался.

У памятного барельефа Петру I в Нидерландах. 2020. (фото из личного архива)

Роль ПИР-Центра и других НПО в построении диалога о международной безопасности

Я давно сотрудничаю с ПИР-Центром, испытываю огромное уважение к его директору и основателю Владимиру Андреевичу Орлову, с которым знаком уже длительное время. ПИР-Центр делает очень много полезного в плане научно-исследовательской работы в сфере разоружения и нераспространения ОМУ, а также в деле подготовки молодых кадров для работы на данном направлении.

Убежден, что без работы неправительственных организаций разоруженческая мысль продуктивно развиваться не может. Это особенно актуально сейчас, когда прямо на глазах меняется парадигма международных отношений, когда востребованы инновационные подходы и прорывные идеи в направлении того, как международному сообществу выходить из нынешнего затяжного кризиса, как сделать современный мир более предсказуемым, прочным и безопасным. Неправительственные организации должны сыграть в этом деле важную роль.

Именно с их участием можно неформально обкатывать идеи, которые спустя какое-то время подхватят политики и дипломаты, начнут на их основе вести переговоры и выстраивать структуру обновленных договорных отношений в части контроля над вооружениями в интересах укрепления стратегической стабильности.

Еще раз хочу подчеркнуть, что роль НПО в дискуссии на тему международной безопасности весьма велика. Я впервые отчетливо осознал это, находясь в Вашингтоне, где неправительственные организации, так называемые «Think Tanks», безусловно, мощнейшие структуры. Трудятся там кадры, которые при смене президентов и партий у власти перетекают в НПО, продолжая во многом заниматься тем же, чем они занимались раньше в министерствах и ведомствах. При возвращении в Белый дом «своего президента», они вновь переходят на государственную службу.

Российские НПО тоже, конечно, имеют значимый вес в нашем обществе. ПИР-Центр я считаю одной из ключевых неправительственных структур, делающих многое для того, чтобы разоруженческая мысль билась ярко и плодотворно, и всегда оставалась актуальной.

Проблемы зашоренности и поиска инновационных решений в переговорах

Если дипломат заиклен на каких-то определенных стереотипах и догмах, ему очень трудно добиться успеха. Наша профессия – это постоянный поиск чего-то нового, сложных многоступенчатых комбинаций с целью достижения искомого результата. Здесь «биться лбом об стенку» совершенно бесполезно. Необходимо подходить творчески, и, если нужно, модифицировать свою позицию без ущерба для главного, чтобы обеспечить компромисс.

Мы живем в интересное время. Становится все более очевидным, что некоторые международные соглашения в области разоружения и нераспространения, с тем содержанием и формой, в которой они есть сейчас, вряд ли будут действовать. Мир становится многополярным, и в нем, как представляется, многосторонняя, а не двусторонняя дипломатия станет играть ключевую роль.

Это действительно вызов, поскольку в многостороннем формате договориться всегда труднее, слишком много различных, порой биполярных интересов. Поэтому будущим переговорщикам придется становиться еще более гибкими, способными генерировать неожиданные идеи, уметь применять неординарные методы в ходе дипломатического диалога. Я думаю, в недалеком будущем, когда переговоры и консультации по разоруженческой проблематике возобновятся, они станут весьма интересным процессом. Честно говоря, я, по-хорошему, немного завидую тем, кто будет этим заниматься.

Касательно неочевидных решений, приведших к прорыву в переговорах, хотелось бы вспомнить период моей работы в ОЗХО, когда велась острая дискуссия с западными партнерами по «делу Скрипалей» – попытке убийства в Великобритании Сергея и его дочери Юлии Скрипалей отравляющим веществом, именуемым на Западе «Новичком». В то время США, Великобритания и другие страны обвиняли в этом преступлении российские спецслужбы. Причем, главным аргументом с их стороны было то, что «Новичок», дескать, разрабатывался и синтезировался только в Советском Союзе, и

поэтому данное вещество могло быть исключительно у России, унаследовавшей его от СССР.

И это были не просто слова каких-то отдельных личностей, а заявления на самом высоком политическом уровне, почти ультимативные требования к нам взять на себя вину за отравление Скрипалей, раскрыть якобы до сих пор существующие запасы «Новичка» и фактически признать тем самым нарушение Россией Конвенции о запрещении химического оружия (далее – КЗХО).

Наши аргументы о том, что Россия полностью уничтожила у себя все запасы химического оружия, что подтверждено ОЗХО, и не вела никаких разработок «Новичка», на оппонентов не действовали. Западная пропагандистская машина продолжала гнуть свою линию. На этом негативном фоне российская делегация стремилась выстроить конструктивную линию в ОЗХО, добивалась того, чтобы страны-участники Конвенции не занимались бесплодным политиканством, а действовали в интересах реализацией КЗХО.

Российская позиция была предельно четкой: раз проблема выявлена и факт наличия такого отравляющего вещества в Великобритании подтвержден инспекторами организации, то надо поставить «Новичка» вне закона, внести его в запретные списки КЗХО. Чтобы началась действительно предметная дискуссия по данному вопросу, наша делегация созвала брифинг в штаб-квартире организации, на котором доходчиво изложила свои мысли и начисто опровергла откровенную ложь западной пропаганды о том, что разработка отравляющих веществ нервно-паралитического действия нового поколения, получившая разговорное название «Новичок», велась только в Советском Союзе.

Мы с фактами на руках продемонстрировали, что синтез подобных веществ осуществлялся во многих западных странах – в США, Великобритании, Германии, в военных лабораториях НАТО. Дали понять, что не исключаем того, что яд, которым были отравлены Скрипали, мог быть изготовлен в лаборатории Минобороны Великобритании «Портон-Даун», находящейся совсем недалеко от места, где проживали Скрипали. Чтобы не быть голословными, представители нашего национального уполномоченного органа по выполнению КЗХО – Минпромторга России, – предъявили на этом мероприятии копии официальных документов о патентовании в США предметов, которые начинались «Новичком». Причем, «Новичок» в этих документах в латинской транслитерации так и звучал – «Novichok». Из них следовало, что в США была, в частности, запатентована пуля с «Новичком». Это были просто убийственные аргументы, которые изменили весь ход переговоров в ОЗХО по внесению «Новичка» в список запрещенных химикатов. Нашим оппонентам пришлось, что называется, прикусить языки. После этого «лед тронулся» и через какое-то время нам удалось прийти к искомому результату по контрольным спискам. Факты – упрямая вещь и когда их предъявляешь, это коренным образом влияет на исход переговоров.

Советы молодым специалистам: путь к успеху в дипломатии

В первую очередь, нужно любить избранную профессию, чтобы все, чем вы занимаетесь, приносило вам удовлетворение. В разоруженческом деле нет рутины. Даже то, что кажется обыденным и, вроде бы, скучным, особенно на первоначальном этапе работы, имеет свой смысл. Таким образом, молодые специалисты набираются опыта,

приобретают крупницы знаний, которые наверняка пригодятся в будущем. Это своего рода энциклопедия, без которой настоящий дипломат-разоруженец существовать не может. Особенно ценен специалист, способный понимать не только содержание профильных международных соглашений, но, одновременно, знать историю их создания, разбираться «в железе», владеть базовыми знаниями об оружии и средствах его доставки, которые являются предметом соответствующих соглашений. Все это приобретается с годами.

Если кто вступил на тернистый разоруженческий путь, то надо рассчитывать «на долгую дорогу в дюнах». Ну а просто попутчики на этом треке обычно быстро сходят с дистанции.

На Дне дипломатического работника в МИД России. 2023. (фото из личного архива)

Интервью: Артем Говалло

Редактура: Юрий Шахов

Ключевые слова: Без галстука

ALU

E16/SHAN – 25/08/29